

Глава 1

В полутемную комнату проникали несколько разрозненных лучей заходящего солнца, озаряя лица в ней теплым багровым светом и резко выделяя свет из глубоких теней, отбрасываемых непрозрачными стенами.

Тишина в комнате усиливала рыдания омеги, но другой присутствующий человек был в полном восторге. Под зловещим закатом их черты лица исказились в гротескной, почти маниакальной улыбке, вызывающей тревогу и не поддающейся описанию.

«Ты действительно собираешься жениться на Пэй Цине?» Омега-женщина, которой было почти сорок, дрожала, механически глядя черные как смоль волосы человека перед ней. Она, казалось, сдерживала рыдание, прежде чем обнять бету, и ее голос был настойчивым.

«Пэй Цин и его омега-жена имеют 98% совместимости! Как бы ты ни старалась, Пэй Цин никогда не полюбит тебя. Феромонные связи нерушимы».

«Стать бета-партнером Пэй Цина... Как ты мог так унижить себя?»

На губах бета-партнера появилась ухмылка, мрак комнаты и свет из окна разделили его лицо на две части: яркую и темную. Он небрежно ответил: «Как это унижить себя? Мы же говорим о Пэй Цине».

«Пэй Цин, прозванный Имперским Стволом».

Голос омеги-женщины постепенно заглушался ее рыданиями. Ее слова дважды прерывались, прежде чем она наконец смогла произнести: «Какая разница? Ты же знаешь, что мне все равно, сколько пользы ты можешь принести семье!»

«Хватит!»

Резкое прерывание пронзило воздух. В зеркале глаза бета-мужчины бурлили темной обидой, переполненной ненавистью, когда он повернулся к своей плачущей матери.

«Неважно? Почему я не должен приносить пользу семье?»

Его голос был резким, как тупое лезвие, впивающееся в плоть, пока не потечет кровь, причиняя невыносимую боль.

«Мама, это потому, что я бета, тебе все равно?»

Дыхание омеги-матери постепенно успокоилось под резкими словами беты. Она молчала, слезы текли по ее лицу.

Бета были вторым полом, отвергнутым Богом.

Когда-то этот бета был подготовлен как единственный наследник семьи...

Он был отточен в знаменитой Базе Измерений империи, обучен, чтобы стать ее самым лояльным и благородным идеалистом, поклялся подняться на вершину, по костям предателей, узурпаторов и оппортунистов, чтобы восстановить славу Терранской Империи.

Но судьба сделала его бетой.

Он слишком хорошо понимал, что это означало.

Все было потеряно.

Альфа или омега — почему это должен был быть бета, лишенный феромонов, помеченный как дефектный?

Бета закрыл лицо руками, слезы стекали между его пальцами. Он сдержал свою обиду, его тон стал более резким и взволнованным: «И что с того, что Пэй Цин и тот омега имеют 98% совпадение? Если бы феромоны действительно связывали альфа и омега на всю жизнь, я бы сейчас не носил его ребенка!»

При упоминании о ребенке его мысли вернулись к тем годам.

Три года назад, после того как он проявил себя как бета, он, естественно, лишился права стать политическим партнером Пэй Цина.

Вскоре после того, как были объявлены результаты дифференциации, другой кандидат представился омегой, продемонстрировал 98-процентную совместимость с Пэй Цином и по умолчанию выиграл отбор.

В то время бета был заперт дома, ему запретили выходить. Его отец забрал все его книги, убрал пианино, на котором он практиковался годами, и забрал его из школы.

Причина? Как бета, он больше не нуждался в навыках, предназначенных для элиты.

Потому что он никогда не вернется в этот круг.

В империи бета были низведены до черной работы. Не имея феромонов, они считались неполноценными людьми, подвергались остракизму со стороны альф, которые монополизировали ресурсы, и подвергались повсеместной дискриминации в сфере занятости.

В браках, по мере роста численности альф и усиления социальной защиты омег, традиционные союзы альфа-омега постепенно превратились в семьи альфа-бета-омега.

Омеги были слишком хрупкими, требовали тщательного ухода, а их дефицит делал их чрезвычайно ценными.

Поэтому альфы часто предпочитали, чтобы бета-самцы несли на себе тяготы родов вместо их хрупких омега-супруг.

Во время нестабильного цикла течки альф, когда омега не могла выдержать, бета служила ее заменой.

У беты не было феромонов, поэтому альфы не испытывали к ним нежности или привязанности. Омеги, в свою очередь, не чувствовали угрозы или депрессии от присутствия беты.

Большинство бет не имели выбора, кроме как стать «сосудами» для альф и омег, чтобы рожать детей, санкционированными третьими лицами, законными третьими лицами в романах альфа-омега.

Хотя этот омега жил в роскоши в семье Пэй, он — запертый дома в течение трех лет как бета — мог только бездейственно наблюдать, как его братья и сестры вытесняли его из структуры власти.

Как он мог это принять?

Не в силах больше терпеть свое заключение, бета манипулировал своей любящей матерью (омегой), чтобы она выпустила его.

Обычно «сосуд» бета никогда не имел бы возможности выносить собственного ребенка. Но он был другим.

— Прямо сейчас один из них был в его животе.

Уста беты искривились в горькой улыбке, но его глаза горели почти пугающим блеском, а улыбка становилась все шире.

Он отказался жить как никто на самом дне, наблюдая, как те, кто ниже его, обладают властью, в то время как он остается жалким червем, ползающим у их ног...

Среди его смеха в его глазах мелькнула ядовитая амбиция, пронзившая его отражение в зеркале, как будто он смотрел на другую версию себя — ту, которая держала скипетр власти, быстро поднимаясь с поддержкой семьи Пэй.

Призрачная вспышка молнии разорвала небо, а за ней последовал раскат грома.

Комната озарилась белым светом от внезапного освещения, и в зеркале красота беты была потрясающей.

Выйдя из своих воспоминаний, бета смягчился при мысли о том, как его мать беспокоилась за него в последние дни. Он обнял омегу, которая была удивлена его всплеском эмоций, и небрежно похлопал ее по спине.

С торжественностью бета обратился к матери, которая всегда его любила.

«Мама, я не подведу тебя».

Узнав, что он носит ребенка Пэй Цина, даже его отец, который презирал его с момента его появления, внезапно улыбнулся.

Это было неопровержимым доказательством того, что этот ребенок мог вернуть себе законное место.

«У этой омеги просто немного выше уровень совместимости. Поверь мне — они женаты уже три года. Даже самая сильная феромонная связь к этому времени уже ослабла. Подожди...»

«Мама, я буду жить хорошей жизнью. О, не плачь... Это должно быть счастливое событие».

В зеркале отразилось лицо беты — лицо декадентского соблазна, способное очаровывать и опутывать, прекрасное, как тетива, способная задушить человека заживо, вибрирующее безжалостной амбицией.

*

Семь лет спустя.

Еще одна ночь с громом и молниями.

Молния разорвала небо, дождь лил как из ведра.

Семилетний Пэй Нинъю лежал беспокойно той ночью. Переворачиваясь с боку на бок, он

наконец решил взять одеяло и пойти искать брата.

С тех пор как брат попал в Базу Измерений, он был всегда занят. Даже после полуночи в кабинете все еще светился свет лампы, или он был в механическом отсеке, возился с недавно собранными мехами — непонятным высокотехнологичным оборудованием, которое он никогда не мог понять.

Крошечная фигурка схватилась за угол одеяла и тащила его по полу, пробираясь по длинному коридору. Приоткрыв дверь кабинета, он заглянул внутрь, оглядывая комнату в поисках брата.

Похоже, сегодня брата не было дома.

Пэй Нинью сжал губы, подумал некоторое время, но все равно не хотел спать. С беспокойной энергией он возобновил свою дневную игру «Великое приключение».

Под покровом ночи «Великое приключение», в которое он играл бесчисленное количество раз, казалось гораздо более захватывающим. Ночной дом обладал необъяснимым очарованием.

Пэй Нинью мчался по коридорам, открывая каждую дверь и крича: «Аааа! Зерги вторглись! Капитан Пэй Нинью здесь, чтобы защитить всех!»

Затем он хлопал дверью и ждал, пока взрослые или слуги, находившиеся внутри, выбегут в погоню за ним.

Затем он устремлялся прочь, оставляя их в ярости и разочаровании, наблюдающих за его побегом. Странно, но сегодня, после «исследования» нескольких дверей подряд, в них, казалось, никого не было. Но это нисколько не ослабило растущее возбуждение Пэй Нинью.

Нахмутив брови, Пэй Нинью продолжил идти вперед с неизменным энтузиазмом.

Открыть дверь... закрыть... пройти дальше... открыть другую дверь...

Пэй Нинью без устали повторял этот процесс.

Следуя по ковру, Пэй Нинью свернул в боковой коридор, по которому обычно не ходил.

Все было тихо. В тусклом коридоре мерцал единственный настенный светильник, как будто вот-вот погаснет.

Маленькая фигурка Пэй Нинью с любопытством осмотрела окрестности, прежде чем двигаться дальше.

Он наткнулся на дверь, которую никогда раньше не видел, ее поверхность была покрыта ржавчиной, как будто ее никогда не ремонтировали. Толкнув ее, он обнаружил, что она не заперта.

Все соседние комнаты были плотно закрыты и, казалось, нежилые, за исключением этой, в которой были явные следы недавнего вторжения.

Внутри было темно, как в шахте, но Пэй Нинъю не испытывал страха. В своем юном уме он верил, что это его дом, и каждая комната принадлежит ему.

Этому его с детства учили отец и брат.

Семилетний Пэй Нинъю прокрался в темную комнату и заглянул внутрь.

«Зерги только что атаковали границы империи! Я, полковник Пэй Нинъю, здесь, чтобы...»

Внезапно со щелчком включился потолочный светильник, залил маленького мальчика дрожащим желтым светом. Пэй Нинъю остановился на полуслове и огляделся.

Он осмотрел комнату — стены были испачканы отслаивающейся краской и темными пятнами, а полы были поцарапаны и изрезаны, вероятно, от перетаскиваемой мебели.

Комната была скудно меблирована, в ней преобладала громоздкая мебель из красного дерева, которая в тусклом свете выглядела еще более зловеще. Она напоминала устаревший декор поместья многолетней давности, стиль, который уже вышел из моды в империи.

На ночном столике с золотой отделкой лежала недоеденная холодная еда. Со своего роста Пэй Нинъю едва мог разглядеть обесцвеченные зерна риса, плавающие в жирной смеси.

Рис высох и ссохся, далеко не такой пухлый, как когда-то, и, судя по всему, давно никто его не трогал.

Наконец взгляд Пэй Нинъю остановился на кровати.

Там лежал человек, сознание которого, казалось, было затуманено, и который через мгновение медленно поднял голову.

Он был потрясающе красив.

Самым красивым человеком, которого Пэй Нинъю когда-либо видел, была его мать.

Омеги часто были слабыми, и к пяти годам его мать едва могла вставать с постели. Но даже тогда она всегда носила на лице нежную улыбку и давала ему и его брату конфеты.

Из-за этого Пэй Нинъю редко проводил с ней много времени наедине. Большинство его воспоминаний были о том, как отец нежно давал лекарства больной матери.

В его представлении родители всегда были глубоко влюблены друг в друга.

Но человек перед ним — почему-то он казался еще красивее его матери. Очарованный, Пэй Нинъю протянул руку к фигуре на кровати.

«Ты тоже больна?»

«Моя мама всегда лежит в постели...»

Человек внезапно вздрогнул от его слов, его кошачьи глаза резко расширились.

Не успел Пэй Нинъю закончить, как пара костлявых рук выстрелила вперед и схватила его за горло, сжимая как тиски.

«Умри! Умри! Все вы, умрите!»

Семилетний Пэй Нинъю был с силой прижат к раме кровати, его голова ударилась о край. Движения фигуры сопровождались лязгом цепей, резко звенящих при каждом рывке.

Хватка была настолько сильной, что Пэй Нинъю едва мог дышать, его маленькое тело почти оторвалось от пола.

Волна за волной головокружение накрывало его. Зрение затуманилось, тело сотрясилось судорогами, ноги беспомощно барахтались, а затем обмякли.

Как раз когда он был готов потерять сознание...

Человек, казалось, пришел в себя — или, возможно, вспомнил что-то. Его руки слегка ослабли, и он начал издавать влажные, хриплые звуки, как будто подавляя что-то в горле.

Что-то между радостью и рыданиями.

Дрожащими руками он обхватил лицо Пэй Нинъю, слезы текли ручьем, когда он шептал: «Малыш... Я знал, что это ты. Это должен быть ты. Малыш... Нинъю... Это действительно ты?»

Пэй Нинью не мог ответить. Кратковременное удушье оставило его слабым и дезориентированным, он сильно кашлял. Хотя его лицо с пурпурным оттенком постепенно возвращалось к норме, он не мог произнести ни одного связного слова.

Увидев его состояние — красные следы на шее — лицо человека исказилось от раскаяния и паники. Затем, как будто вспомнив что-то невыносимое, он разрыдался.

Он крепко обнял Пэй Нинью, дрожащими движениями поглаживая его по спине. «Малыш, я твоя мама».

Дико, почти истерично, он настаивал: «Малыш, я твоя настоящая мама... а не эта Омега...».

Вскоре он впал в прерывистое бормотание — «мама», «сука», «Омега», «Пэй Цин» — слова, шипящие как проклятия.

Этот человек был тем же бета, который семь лет назад, вопреки просьбам матери, женился на Пэй Цине.

Семь лет спустя ни одна из его грандиозных амбиций не осуществилась. Пэй Цин и его жена Омега оставались преданными как никогда — никто не мог встать между парой с 98% совместимостью, даже такой красавец, как бета.

Неясно, сожалел ли бета о своем выборе, но его текущее состояние говорило само за себя.

Некогда гордый кандидат в наследники после семи лет мучений был лишь бледным отражением своего прежнего я. В его опустошенных чертах остались лишь слабые следы прежнего высокомерия.

Теперь, прикованный к кровати, едва имея возможность двигаться, он увядал в изоляции и темноте, оставаясь ни с чем, кроме своих воспоминаний.

В тишине он перебирал прошлое. Задаваясь вопросом — если бы он просто послушался свою мать, остался дома, даже если бы он никогда не вернул себе место в центре семьи, по крайней мере, он не был бы таким несчастным.

Тогда он был так уверен, что ребенок в ее утробе завоюет ему благосклонность Пэй Цина. Но после родов Пэй Цин даже не признал ребенка.

Это означало, что ребенок никогда не станет молодым хозяином семьи Пэй — он будет просто бастардом слуги.

Думая об этом, бета всхлипнул и пробормотал: «Я не жалею... Я не жалею...»

Затем он внезапно разразился смехом, и слезы потекли ручьем. «Ха-ха-ха... Это еще не конец. Пока Нинъю жив, у меня еще есть шанс изменить ситуацию...»

Ну и что, что Пэй Цин отказался признать его?

Бета широко улыбнулся маленькому мальчику перед ним, его смех стал пронзительным, как будто он только что услышал самую смешную шутку в мире. Он почти согнулся пополам, схватившись за живот. Когда приступ наконец утих, он медленно пришел в себя. Протянув руку, он погладил Пэй Нинъю по носу и торжественно произнес.

«Они никогда не заподозрят, что Нинъю — мой ребенок...

«Я не буду вечно сидеть здесь в заточении...» Бета то смеялся, то плакал, его пронзительный голос разрывал тишину ночи.

Вскоре он затих в тихой тьме, как будто его и не было.

Он посмотрел на испуганного Пэй Нинъю, его глаза наполнились любовью, и его тон снова смягчился: «Нинъю, ты должен помнить, я твоя мать».

«Мама любит тебя... Мама ждет тебя...»

*

После этого инцидента Пэй Нинъю несколько дней страдал от высокой температуры, балансируя на грани смерти в своей постели.

В те дни Пэй Нинъю каждую ночь видел во сне того безумного бета, который во сне звал «Нинъю» и умолял спасти его.

Омега держалалихорадящего Пэй Нинъю в своих объятиях, рыдая душераздирающими рыданиями.

Пэй Цин был разбит горем.

Однако ни Пэй Цин, ни омега не заметили ничего необычного.

Позже Пэй Нинъю продолжил свое образование в обычном режиме, вырос с семи до двадцати лет, наслаждаясь восхищением окружающих, без особых усилий процветая в своем положении второго молодого господина Пэй.

Однако Пэй Нинъю больше никогда не видел того бета, прикованного к кровати, и, казалось, полностью забыл об этом инциденте.

По мере того, как Пэй Нинъю рос, его внешность становилась все более поразительной — его темные, как чернила, глаза были почти слишком интенсивными, чтобы смотреть в них, а его присутствие было смелым и драматичным. Его характер был столь же яростным, изменчивым и взрывным. Однако, находясь под защитой семьи Пэй, он не испытывал никаких трудностей в первой половине своей жизни.

В отличие от тех нежных и чистых омег, все были уверены, что позже он проявит себя как альфа.

Так же, как его отец, Пэй Цин, который поднялся до должности императорского премьер-министра и был похоронен с государственными почестями после гибели при исполнении служебных обязанностей, или его старший брат, который в молодом возрасте стал генералом.

Он был альфой, который, скорее всего, станет ключевой фигурой в следующем поколении императорской армии, воспитанный как наследным принцем, так и семьей Пэй до недостижимых высот.

Бета из прошлого давно был забыт, незаметно погибнув в доме Пэй, а его родная семья также пришла в упадок и переехала из столицы.

Любой, кто видел того бету, заметил бы, насколько удивительно Пэй Нинъю был похож на него.

Та же поразительная интенсивная красота, те же черные как смоль глаза, полные желания. В один момент он мог тепло улыбаться, а в следующий — внезапное исчезновение этой улыбки могло заморозить кровь в жилах.

К сожалению, никто не помнил того бета — даже Пэй Цин, который зачал его, умер слишком рано, чтобы увидеть, как вырос Пэй Нинъю.

По мере того, как умственный труд все больше заменял физический, альфы, составлявшие 40 % населения, вносили 90 % общей стоимости общественного производства.

Между тем, бети были ограничены самыми низкими, наименее ценными работами в обществе, никогда не были главными претендентами на повышение или награды, были навсегда отстранены от высших эшелонов.

Тем не менее, Пэй Нинъю ни разу, ни на мгновение, не задумывался о том, что он может оказаться бетой.

Он будет альфой, как его отец и брат, и его ждет будущее, на которое другие могут только

смотреть с восхищением.

У него будут безграничные перспективы.

Это казалось судьбой, как и ожидалось.

Перевод выполнен командой Webnovels

Увидели ошибку? Сообщите в комментарии — и получите бесплатную главу!

<http://bllate.org/book/14718/1315005>